

Ласло Давид Тёрё

PhD, научный сотрудник, Институт истории, Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия. 4032 Egyetem tér 1. E-mail: t.laszlo.d@gmail.com

Роль историко-краеведческих журналов в формировании региональной идентичности Бургенланда в период между двумя мировыми войнами

Приграничные области национальных государств всегда играли важную роль в процессе формирования национального сознания. Область Бургенланд была передана Австрии в 1921 г. Так после Первой мировой войны страна получила компенсацию в виде территории, которая прежде была частью Венгрии. С момента появления на свет новой области ее право на существование оспаривалось в первую очередь венгерскими историками. Австрийская историческая наука со своей стороны прилагала усилия для интеграции Бургенланда в национальные исторические нарративы. В статье показано, как местные краеведческие журналы участвовали в создании новой региональной идентичности в Бургенланде. В центре внимания находятся три журнала: *Burgenland*, *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins* и продукт их объединения — *Burgenländische Heimatblätter*. Отмечены различия между ними и их полемика, поскольку они оспаривали друг у друга право на ведущую роль в дискурсе об истории Бургенланда. Журнал *Burgenland* был тесно связан с местными властями и открыто поддерживал немецкий национализм. Напротив, журнал *Mitteilungen* издавался бургенландским Обществом охраны наследия (*Burgenländisches Heimatschutzverein*) — гражданской институцией. В выпусках *Mitteilungen* националистическая повестка никогда не была главной, на его страницах, в первую очередь, критиковался промышленный капитализм и романтизировалась гармония с природой. Если *Burgenland* финансировался местными властями, то *Mitteilungen* издавался на частные пожертвования и членские взносы Общества. Исторические нарративы журналов формировались под действием столкновений конкурирующих интерпретаций прошлого: результатом стало возникновение доминирующей «народнической» (*völkis*) концепции и практически ликвидации журнала *Mitteilungen*. Наконец, для создания объемной картины о спорах вокруг Бургенланда в период между двумя мировыми войнами в статье представлена полемика между венгерскими и австрийскими авторами на примере Отто Аулля и Дюлы Гайера.

Ключевые слова: историография, национализм, границы, пространственный поворот, исследования границ, Австро-Венгрия, Австрия, Венгрия, история идей, дискурс-анализ

Финансирование: Статья написана в рамках исследовательской стипендии им. Яноша Бойяи Венгерской академии наук (*MTA Bolyai János Kutatási Ösztöndíj*) по проекту № ВО/00246/23/2 (2023–2026).

Статья поступила в редакцию: 10 марта 2024 г.

Статья принята к публикации: 19 мая 2024 г.

Цитирование: Тёрё Л.Д. Исторические нарративы в краеведческих журналах Бургенланда в период между двумя мировыми войнами // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 267–295. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.8>.

Появление в 1921 г., в результате передачи западно-венгерских комитатов Австрии, федеральной земли Бургенланд¹ создало новые условия для развития исторической мысли в крае. По обе стороны новой государственной границы возникла необходимость объяснить появление после Первой мировой войны территориальной единицы, которая — по крайней мере, с административно-правовой точки зрения — ранее не существовала, и роль в этом Трианонского мирного договора (1920 г.)². В написании и переписывании истории присоединенных к Австрии областей участвовали как австрийские, так и венгерские ученые. В этой связи тема открывает возможности для анализа интеллектуальных последствий пересмотра государственных границ после Первой мировой войны на примерах научных карьер отдельных историков. По понятным причинам венгерская историография и венгерская общественная мысль в целом проявляли значительно меньше интереса к проблеме Западной Венгрии/Бургенланда, чем к другим территориальным потерям, таким как Трансильвания (присоединена к Румынии) или так называемая Верхняя Венгрия (области, составившие значительную

¹ Топоним «Бургенланд» (нем. *Burgenland* — «Страна замков») искусственно сконструирован в 1921 г. из названий западно-венгерских комитатов (административно-территориальных единиц Венгерского королевства), в немецких названиях которых присутствовал корень *-burg*: Шопрон (*Ödenburg*), Мошон (*Wieselburg*), Ваш (*Eisenburg*). Наряду с официальной немецкой топонимикой Бургенланда в Венгрии продолжает использоваться историческая венгерская. См. список исторических географических названий в конце статьи (*прим. перев.*).

² Аблонци 2020 (*прим. перев.*).

часть территории Словакии). С румынской историографией венгерские историки межвоенного периода полемизировали гораздо активнее и решительнее, чем с австрийской: ведь и реально-политические ставки были выше в случае Румынии или Чехословакии, где проживало более многочисленное венгерское меньшинство. Но так или иначе, можно с полным правом сказать, что после распада Австро-Венгрии в спорах австрийских и венгерских историков дискурс об историческом прошлом Бургенланда стал самым болезненным. В сравнении с эпохой дуализма, когда австрийско-венгерские споры разгорались вокруг Прагматической санкции 1713 г.³, революции 1848 г. и опосредованно об оценках дуалистического соглашения, эти темы вследствие шока от территориальных потерь, по понятным причинам, отошли на второй план. В статье я лишь в общих чертах касаюсь внутри- и внешнеполитических событий и их проекций на историю Австрии или Венгрии, поскольку зигзаги политической истории мало отразились на личностном и институциональном измерении изучения истории Бургенланда. Только аншлюс 1938 г. произвел коренные перемены в изучаемом регионе и привел к закрытию рассматриваемых журналов.

В исторических спорах о прошлом Бургенланда ключевую роль играли два города: Шопрон и Кишмартон, ставший столицей Бургенланда под немецким названием Айзенштадт. Напомню, что по Сен-Жерменскому мирному договору (1919 г.), определившему новые, послевоенные границы Австрии, Шопрон был изначально включен в состав Австрийской республики. После того как полувоенизированные венгерские формирования оккупировали эту территорию, Австрии пришлось пойти на уступки: согласно Венецианскому соглашению (31 октября 1921 г.), судьба Шопрона должна была решиться на всенародном референдуме. Голосование прошло в декабре 1921 г., и по его итогам город остался в составе Венгрии. Вследствие этих событий в публичном дискурсе сформировались два нарратива:

³ *Прагматическая санкция* — законодательный акт 1713 г., гарантировавший передачу владений Австрийского дома в случае отсутствия мужского наследства — по женской линии. Вступил в силу со смертью Карла VI (1711–1740 гг.) и стал основой вступления в права его дочери Марии Терезии (1740–1780 гг.). В венгерской историографии XIX в. вопрос о последствиях признания Прагматической санкции обсуждался в контексте широкой научной и общественной дискуссии о последствиях для Венгрии вхождения в состав владений Австрийского дома (*прим. перев.*).

австрийская сторона говорила о предательстве, венгерская — о победе принципа национального волеизъявления.

Получив в 1925 г. статус столицы федеральной земли, Айзенштадт вскоре превратился в центр изучения истории Бургенланда. Для этого была нужна сеть институций, без которых немислима работа профессиональных историков: архив, библиотека, музей, журналы. Их предстояло создать без опоры на какую-либо традицию из-за отсутствия необходимых материалов, только на основе местных частных собраний. В федеральной земле в 1920–1930-е годы развернулся поиск новых источников: в историко-краеведческих журналах *Burgenland* («Бургенланд») и *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins* («Известия Общества охраны наследия Бургенланда») регулярно публиковались призывы редакции к читателям: выставить на обозрение или передать в музеи, архивы и библиотеки исторические артефакты (от мебели до дневников)⁴. Руководство федеральной земли обратилось к учителям с призывом написать истории своих населенных пунктов⁵. Поддержка частных лиц и общественных организаций в таких условиях обладала колоссальной значимостью; в Айзенштадте в 1926 г. открылся краеведческий музей, в основу которого легло частное собрание виноторговца и мецената Шандора (Александра) Вольфа (1871–1946)⁶. Земельные архив и библиотека находились в трудном положении, поскольку часть источников и книг осталась в частных коллекциях местных венгерских аристократов⁷, другая же часть — в архивах и библиотеках Венгрии. Характерно, что основанная в 1922 г. Земельная библиотека некоторое время работала как «служебная» и не выдавала книги по абонементу⁸. Неудивительно, что новая столица федеральной земли была вынуждена обращаться за помощью к Вене как за профессиональными консультациями, так и в поисках сотрудников.

⁴ О формировании локальной бургенландской идентичности см. двухтомник Мартина Кренна: Krenn 2014; Krenn 2016.

⁵ Palkó 2009: 210.

⁶ Только в сентябре-октябре 1926 г. недавно открытый музей принял 3,1 тыс. посетителей. В экспозиции были в основном представлены письменные памятники из Айзенштадта и Руста. Эти выборочные данные, возможно, дают понять, сколь важную роль в формировании региональной идентичности играли грамотно управляемые учреждения культуры. См.: Krenn 2014: 203–204.

⁷ Krenn 2014: 249–250. Об архиве князей Эстерхази в Айзенштадте см.: Ress 2004; Viskolcz 2019; Kunt 2019.

⁸ Krenn 2014: 256.

Вот несколько примеров: в 1927 г. музей возглавил выпускник Венского университета, антиковед Альфонс Барб (1901–1979)⁹, Земельный архив в Айзенштадте тесно сотрудничал с венским Государственным архивом, откуда получал и материальную, и профессиональную помощь¹⁰. Археологические находки из Бургенланда в 1920-е годы некоторое время хранились в Музее естественной истории в Вене, затем были перевезены в Винер-Нойштадт, поскольку на местах отсутствовала система хранения музейных артефактов¹¹. Земельная библиотека не раз выписывала книги из библиотеки Венского университета или Национальной библиотеки¹².

В 1927 г. в Бургенланде приступили к изданию двух краеведческих журналов: *Burgenland* поддерживал тесные связи с руководством провинции и стоял на принципах немецкого национализма, в то время как *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatsvereins* — печатный орган основанной Шандором Вольфом в 1925 г. общественной организации¹³ — не столько писал о вопросах национализма или оспаривал позиции венгров по национальному вопросу, сколько критиковал последствия индустриального роста, а редакторы исповедовали своего рода аграрный романтизм¹⁴. Финансирование журнала *Burgenland* было тесно связано с руководством провинции, *Mitteilungen*, напротив, располагал более скромными материальными возможностями,

⁹ Примечательно, что власти земли Бургенланд изначально хотели видеть на посту директора музея националиста Отто Ауля. Ш. Вольф сумел убедить местных политиков, что должность требует знаний в области древней истории и археологии, поэтому для нее лучше подходит А. Барб. См.: Krenn 2014: 205. Об истории музея, рассказанной его директором, см.: *Barb A. Die Museen der Hauptstadt des Burgenlandes // Österreichische Reisezeitung. 1931. IX 9–10.*

¹⁰ Например, Венское архивное управление (*Wiener Archivamt*) помогло в переговорах с частными архивами венгерских аристократов в Бургенланде: те не разрешили австрийским историкам составить описи фондов, поэтому у властей федеральной земли долгое время не было точного представления о фондах архива князей Эстерхази в Айзенштадте. Главная причина заключалась в крайней политизации архивного дела, и австрийских историков практически не допускали к работе в архивах Венгрии. См.: Krenn 2004: 250 (сноска 1356).

¹¹ Krenn 2004: 194.

¹² Krenn 2004: 257.

¹³ Изначально организация называлась «Айзенштадтское общество охраны наследия Бургенланда» (*Burgenländische Heimatschutzverein von Eisenstadt*), позднее имя города из названия убрали.

¹⁴ Об истории журналов в контексте культурной политики Бургенланда см.: Krenn 2004: 221–235.

потому что существовал на пожертвования и членские взносы¹⁵. Министерство образования Австрии материально поддерживало оба издания, и при распределении средств нередко возникали конфликты, потому что *Burgenland* обычно получал больше денег. В числе авторов *Mitteilungen*, помимо стоявшего на позициях венгерского национализма германиста Элемера Шварца (1890–1962), были историк искусства, тесно связанный с Шопроном и Айзенштадтом, Эндре/Андре Чаткаи (1896–1970) и учитель средней школы, любитель древностей Виктор Йованович (1878–1936). С журналом сотрудничал краевед Адольф Моль (1855–1939) из Шопрона, стоявший на непримиримых венгерских националистических позициях. Между двумя изданиями нередко случались стычки: *Burgenland* возмущался, что в *Mitteilungen* недостаточно критически относятся к венгерским трудам по истории. Соперничество завершилось в 1932 г. объединением двух журналов и созданием на их базе *Burgenländische Heimatblätter* («Бургенландские отечественные листки»), хотя, по сути, это практически означало ликвидацию *Mitteilungen*, и, справедливости ради, следует признать, что усиление регионального немецкого национализма в Бургенланде сопровождалось сужением разнообразия местных журналов. Далее я сосредоточусь на анализе исторических концепций краеведческих журналов, их авторах и спорах между ними, а также роли Айзенштадта в организации науки.

Консервативный журнал *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatsvereins*

Посмотрите вокруг там, где живете. Нет ли там чего-то, что привлекло бы Ваше внимание, или чего-то, что необходимо охранять?¹⁶

¹⁵ Seedorf 1918: 266–267.

¹⁶ Призыв «охранять» указывал на уже упомянутое явление: в 1920-е годы артефакты из Бургенланда часто оказывались в Вене. Общество охраны памятников, издававшее *Mitteilungen*, стремилось к тому, чтобы реликвии не покидали территории Бургенланда. См.: Krenn 2014: 195. Из-за скромных финансовых возможностей руководство общества не раз обращалось с просьбами к Министерству образования, прося у Вены материальной поддержки. В одной из служебных записок важность Общества обосновывалась так: «Бургенланд, где слой городской интеллигенции тонок, а основная масса населения федеральной земли живет в сельской местности, такого рода пропаганда особенно необходима» (цит. по: Krenn 2014: 228–229).

Будь то предмет храмовой утвари, маленький флюгер, что-то совсем крошечное, что сообщит нам нечто о чем-то большом?¹⁷

В призыве редакции *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins* к читателям прослеживается попытка включить «совсем крошечные» предметы, найденные на территории Бургенланда, в некие исторические смысловые рамки, при этом очевидно, что журнал придавал большее значение материальным объектам в сравнении с письменными источниками. В журнале регулярно печатались обзоры и рецензии, в том числе критические, о трудах по истории Бургенланда, изданных в Венгрии. Сначала их писали авторы из Венгрии, те же Эндре Чатки и Элемер Шварц. Авторы осторожно полемизировали друг с другом: Э. Шварц спорил с А. Барбом об изначальном значении топонима Айзенштадт (по-немецки *Eisenstadt* — «Железный город»). Шварц обратился к теме, чтобы развеять широко распространенное ошибочное мнение, будто город получил имя от расположенных неподалеку железорудных шахт (этой точки зрения придерживался Барб), а напоминал о прочности стен, окружавших город в Средние века¹⁸. Барб написал комментарий к статье Шварца, попутно выразив удивление, что подобная теория происхождения имени города была сочтена достойной публикации. Он также высказал гипотезу, что свою роль в выборе названия могли сыграть не только укрепленные стены, но и железорудные месторождения¹⁹. Впрочем, у этой этимологической полемики не было актуальных культурно-политических аспектов. В связи с переименованием Почендорфа (по-венгерски Почфалу) Шварц обрушился с критикой на земельные власти Бургенланда. Поводом послужило то, что в 1929 г. поселение официально переименовали в Розендорф, поскольку с прежним именем, и венгерским, и немецким, было связано много шуток²⁰. Историк заявил, что топонимика — это «становой хребет отечества», его возмутила позиция австрийских властей:

¹⁷ Aufruf // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins*. 1927/1928. Bd. 1–2. № 1–2. S. 2.

¹⁸ *Schwartz E.* Eisenstadt // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins*. 1928. Bd. 1. № 2. S. 64–65.

¹⁹ *Barb A.* Kommentar // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins*. 1928. Bd. 2. № 1. S. 65–66.

²⁰ Название города ассоциировалось с венгерским словом *pöcs* и немецким *Potsch*, означавшими мужской половой орган.

прежнее название отсылало к венгерскому, напоминавшему о том, что в Средние века город окружало болото²¹. В работе о легендах, повествовавших о топонимике населенных пунктов, он был более категоричен. Историк полагал, что для народа «полезнее» избегать «иностранины» и держаться исконных географических названий. В идеале топонимы раскрывают «секреты» о народе²².

Эндре Чаткай вплоть до 1932 г. опубликовал на страницах *Mitteilungen* ряд статей по истории края. В 1928 г. он написал о турецком походе 1683 г. и особо подчеркнул его разрушительные последствия для памятников культуры и сельского ландшафта современного Бургенланда. По его мнению, год осады Вены османами с точки зрения истории искусства стал рубежным, поскольку война принесла с собой гибель средневековой архитектуры: новые здания возводились уже в стиле барокко²³. Примечательно, что хотя автор статьи осуждал разрушения, произведенные турецко-татарским войском, но в отличие от большинства бургенландских историков, он не пулся в цивилизационные рассуждения о якобы культурной неполноценности турок.

Чаткай не раз возвращался к своей любимой теме — театру. В связи с историей театра в Кишмартоне/Айзенштадте он прежде всего сожалел о том, что театральная культура практически исчезла со второй половины XIX в., когда местные театралы по железной дороге могли легко доехать и до Шопрона, и до Вены²⁴. Помимо истории театральной культуры его особенно интересовала история музыки, и писал он не только о таких великих именах, как Йозеф Гайдн (1732–1809) и Ференц Лист (1811–1886). Он стремился писать об истории музыки так, чтобы Кишмартон/Айзенштадт знали не только благодаря Гайдну, но и связывали город с именами других музыкантов²⁵.

²¹ *Schwartz E.* Pötschendorf — Rosendorf // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins.* 1929/1930. Bd. 3. № 3–4. S. 30–31.

²² *Schwartz E.* Burgenländische Ortsnamensagen // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins.* 1929/1930. Bd. 3. № 3–4. S. 34–38.

²³ *Csatkai A.* Das nördliche Burgenland und Wiens Belagerung durch die Türken im Jahre 1683 // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins.* 1928. Bd. 2. № 4. S. 85–87.

²⁴ *Csatkai A.* Beiträge zu einer Eisenstädter Theatergeschichte // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins.* 1930. Bd. 3. № 3–4. S. 41–49.

²⁵ *Csatkai A.* Beiträge zur Geschichte der Musikkultur in Eisenstadt // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins.* 1931. Bd. 5. № 2. S. 21–27.

Иногда историк публиковал источники, посвященные визитам Габсбургов в «Бургенланд», прежде всего — газетные заметки. Вообще, австрийская и собственно бургенландская историография относились к Австрийскому дому неоднозначно, поскольку немецкие националисты считали, что его члены слишком многое позволяли князьям Эстерхази и венгерским сословиям. Чаткай не разделял этих взглядов: он писал о соперничестве Габсбургов и Эстерхази в сфере придворной роскоши, хотя, по его мнению, «борьба» проходила под знаком взаимного уважения и способствовала процветанию искусств в Кишмартоне/Айзенштадте²⁶. Характерным примером осторожности Чаткай может служить написанная в 1931 г. короткая рецензия на книгу историка архитектуры Енё Радоша (1895–1892) «Венгерские дворцы»²⁷. После хвалебного вступления автор отстраненно и лаконично заметил, что Радош не принял во внимание «сегодняшние» политические границы и находящийся в Айзенштадте дворец Эстерхази причислил к венгерским дворцам²⁸.

Обращаясь к историческим сюжетам, журнал пытался оживить местный туризм. Ш. Вольф написал статью о создании в Кишмартоне в 1670 г. еврейского гетто: прослышав про плодородный край, туда стали массово переселяться евреи из Вены. Не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что Эстерхази предложили им защиту от гонений. В конце исторического очерка автор обратился к современности, подчеркнув, что сохранившееся в Айзенштадте гетто — одна из достопримечательностей Бургенланда, не имеющая аналогов в мире, поэтому его следует сохранить в неприкосновенности, не подвергая перестройкам²⁹. Виктор Йованович написал о средневековых надгробиях на кладбище приходской церкви Айзенштадта и сравнил прогулку по кладбищу с путешествием в историю³⁰.

²⁶ *Csatkai A.* Die Habsburger in Eisenstadt // Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins. 1931. Bd. 5. № 3. S. 41–49.

²⁷ *Rados J.* Magyar kastélyok. Budapest: Műemlékek Országos Bizottsága, 1931. 238 old.

²⁸ *Csatkai A.* [Recenzió] Rados Jenő: Ungarische Schlösser, 1931 // Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins. 1931. Bd. 5. № 4. S. 83.

²⁹ *Wolf S.* Das heutige Eisenstädter Ghetto. Eine Gründung der Wiener Exilanten des Jahres 1670 // Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins. 1928. Bd. 2. № 1. S. 69.

³⁰ *Jovanovich V.* Mittelalterliche Grabsteine in der Eisenstädter Pfarrkirche // Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins. 1931. Bd. 4. № 1–3. S. 19–21.

О Йовановиче, написавшем ряд статей для *Mitteilungen*, можно сказать, что для его небольших по объему статей в меньшей степени характерны пронемецкие националистические взгляды, хотя время от времени он писал исследования в подобном духе для изданий, стремившихся утвердить бургенландскую идентичность. Подробного анализа заслуживает написанное в 1927 г. эссе об истории Айзенштадта³¹. «Еще десять лет назад об Айзенштадте мало кто знал. Венгерское господство не способствовало тому, чтобы город пробудился ото сна»³². По мнению автора, современный облик города сформировали две исторические константы: «немецкое бюргерское сознание» и «властолюбивые князья»³³. Йованович начал исторический анализ с древнеримской эпохи и, рассмотрев разорительные набеги гуннов и аваров, подчеркнул, что первые германские поселения появились здесь во времена Карла Великого, но затем их оттеснили появившиеся в 907 г. мадьяры. «И только после 955 г., со второй волной переселенцев, край приобрел немецкий облик»³⁴. В трудах Йовановича прозвучал вопрос, который волновал историков, изучавших историю Айзенштадта: кому город обязан расцветом: немецкому «народу» или венгерским магнатам Эстерхази? Автор утверждал, что пик развития города пришелся на XVIII в. и расцвет связан с двором князей Эстерхази. Но венгерские аристократы ни гроша бы не стоили без музыкального гения Йозефа Гайдна: «О сути немецкого Айзенштадта и округи нам больше, чем тысяча слов, расскажет музыка Гайдна. Из этого следует, что Айзенштадт — это Гайднштадт»³⁵. Превращение венгерского Кишмартона в совершенно немецкий город пошло ему на пользу: «Жажда жизни и жизнерадостность — вот основные аккорды, звучащие в ритме городского пейзажа»³⁶.

***Burgenland* — журнал с яркой националистической окраской**

В полемическом диалоге с *Mitteilungen* находился журнал *Burgenland*. Первое, что обращает на себя внимание в связи с соци-

³¹ *Jovanovich V.* Eisenstadt im Burgenlande // Österreichische Monatshefte "Der Fährmann". 1927. Jg. 4. Sonderheft Burgenland. S. 333–336.

³² Ibid. S. 333.

³³ Ibid. S. 334.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid. S. 335.

³⁶ Ibid. S. 336.

альным профилем авторов: для *Mitteilungen* писали преимущественно проживавшие в Бургенланде краеведы и педагоги (одни родились в этих краях и позднее их покинули, другие продолжали жить и работать на малой родине), в *Burgenland* публиковались многочисленные историки, географы, литературоведы, музыковеды и этнографы из Вены. Как следствие, авторский коллектив *Burgenland* был междисциплинарным по характеру, но в то же время немецкая националистическая риторика звучала на страницах журнала громче. В редакторском предисловии первого номера подчеркивалось, что журнал желал бы стать «мостом», соединяющим Бургенланд с институтами за пределами федеральной земли и своей деятельностью привлечь внимание всей немецкой нации. Заголовок «Наши воля и путь» (*Unser Wille und Weg*) оказался решительнее и воинственнее, чем редакторский «Призыв» (*Aufruf*) в *Mitteilungen*³⁷. В первом номере была опубликована статья венского музыковеда Альфреда Шнериха (1859–1944) о связях Гайдна с Айзенштадтом. Из рассуждений Шнериха следовало, что историческая память может сообщить нечто важное для дня сегодняшнего:

Нет сомнений, что созданное гением Гайдна будет жить в веках. Хочется надеяться, что к тому времени (1932 г. — год Гайдна. — *Л. Д. Т.*) памятник будет завершен, а надгробие отреставрировано. Памятник нужен не великому мастеру, а нам и нашей стране, которая стоит перед лицом серьезных вызовов. У нас многое отняли, но нас не смогут лишить нашей знаменитой традиции, если мы сами ее сохраним. Именно поэтому нам важно сделать все возможное, чтобы сохранить и развить искусство в народных массах³⁸.

То, что политика памяти относилась к приоритетам журнала, ясно следует из большого числа статей, посвященных зданиям и местам памяти Айзенштадта. Ш. Вольф и здесь опубликовал заметку о еврейском гетто, написанную, однако, в гораздо более злободневном тоне, чем та, что появилась на страницах *Mitteilungen*. Историк предположил, что «политическую независимость» гетто (у евреев Кишмартона/Айзенштадта был свой бургомистр, и они считались единственной самоуправляющейся еврейской общиной

³⁷ *Unser Wille und Weg* // *Burgenland*. 1927. Bd. 1. № 1–2. S. 1–2.

³⁸ *Schmerich A. Haydn-Gedenkstätten in Eisenstadt* // *Burgenland*. 1927. Bd. 1. № 1–2. S. 21.

Австрии) целесообразно сохранить на будущее³⁹. Историческую политику журнала *Burgenland* определяли в первую очередь Генрих Куннерт (1904–1979) и Отто Ауль (?–1943): именно ими написано большинство полемизирующих с венгерской историографией статей.

Генрих Куннерт родился в нижнеавстрийском Мёдлинге, там окончил гимназию, где историю ему преподавал Виктор Йованович. Именно учитель пробудил в юноше интерес к истории «Бургенланда»⁴⁰. Куннерт изучал историю и географию в Венском университете, знание венгерского языка позволило ему ознакомиться с трудами историков по другую сторону государственной границы⁴¹. Он занимал должность земельного комиссара по делам библиотек и архивов, и с точки зрения вклада в науку был самой значительной фигурой среди историков-краеведов Бургенланда в период между двумя мировыми войнами. Налаживание архивной службы оказалось задачей не из легких. Куннерт приложил немало усилий, чтобы в федеральной земле публиковались ранее неизвестные источники по истории края. В рамках совместной акции Общества охраны наследия, музея и местного руководства он разослал во все значимые, обладающие статусом юридического лица институции (школы, приходы, полицейские участки) запрос, располагают ли они письменными источниками для земельного архива?⁴² Так

³⁹ *Wolf S.* Das Ghetto in Eisenstadt, sein Friedhof und seine Altertümer // *Burgenland*. 1928. Bd. 2. № 1. S. 118.

⁴⁰ Идеализированную биографию Куннерта, написанную с позиций австрийского национализма, см.: *Probst* 1969. Автор сделал акцент исключительно на положительных сторонах жизни и деятельности историка, значительную часть его трудов считал не утерявшими значения в 1969 г. Благодаря Куннерту, по мнению Ф. Пробста, Бургенланд освободился от изоляции и провинциализма (*Probst* 1969: 9). Современные историки М. Кренн и К. Шперль подошли к научной карьере Куннерта с более критических позиций. См.: *Sperl* 2011.

⁴¹ Для взглядов Куннерта на историю было характерно убеждение, что в «Бургенланде» немцы жили уже тогда, когда ни один венгерский всадник еще не ступил на территорию края. Битву 955 г. на р. Лех близ Аугсбурга, когда мадяры были разбиты войсками германского короля Оттона I (936–973 гг.), он считал победой западной культуры над язычеством. См.: *Krenn* 2014: 287.

⁴² Подобные циркуляры в то время не были редкостью. В 1919 г. архивист Енё Хази по другую сторону границы призвал жителей Шопрона сдавать в архив имеющиеся у них письменные источники. 23 октября 1936 г. Хази в письме сообщил Иштвану Сабо: «Сразу после падения коммунистов я через газету обратился к горожанам с призывом передать архиву имеющиеся у них ценные рукописи. Публикация осталась без ответа. Где-то год спустя, без всякой связи с той инициативой, вдова Енё Артнера

удалось собрать множество документов, в основном по истории XV–XVI вв. До 1931 г. они хранились в музее, где уже не хватало свободных помещений для их размещения и старой из-за недофинансирования ненадежной системы противопожарной безопасности⁴³. Куннерт придавал исключительное историко-политическое значение собранным материалам: с помощью исторических документов (прежде всего книг записи актов гражданского состояния) он хотел доказать, что население «Бургенланда» несмотря на венгерскую государственную принадлежность веками могло сохранять свой немецкий характер⁴⁴. Особенно трудно давалась инвентаризация частных архивов венгерских аристократов. В Гюссинге (прежнем Неметуйваре) руководство архива графов Баттяни отказало австрийским архивистам в доступе к фондам, так что власти федеральной земли задумались, не прибегнуть ли к помощи полиции. О фондах архива князей Эстерхази у руководства Бургенланда не было ни малейшего представления вплоть до 1938 г.⁴⁵ В этой связи становится понятной заметка о сложностях и трудностях в архивном деле, напечатанная Куннертом в 1929 г. в журнале *Burgenland*⁴⁶.

передала нам семейный архив, несколькими годами позже удалось убедить руководство местных коммерсантов и обувщиков расстаться с их архивом. Поскольку в бюджете архива в год на подобные цели выделяется 1,2 тыс. пенгё, эта сумма идет не только на покупку книг для библиотеки архива или переплета книг, но и на покупку ценных рукописей, относящихся к истории Шопрона» (цит. по: Dominkovits 1996: 122).

⁴³ Krenn 2014: 248.

⁴⁴ Krenn 2014: 249.

⁴⁵ Krenn 2014: 252.

⁴⁶ Куннерт обобщил опыт, накопленный в 1920-е годы. Тогда он запрашивал в разных архивах информацию о материалах, имеющих отношение к истории края. В 1923 г. он письменно обратился к молодому Иштвану Хайналу (1892–1956), архивариусу княжеского архива в Айзенштадте (в будущем известному историку), и попросил список работ, посвященных истории города. Хайнал ответил вежливым подробным письмом, где дал список работ, написанных по интересующей Куннерта теме, подчеркнув, что пока не ознакомился с ней в полной мере. См.: Burgenländisches Landesarchiv, Eisenstadt. A-XXVIII-29 Nachlass Heinrich Kunnert. Istvan Hajnal an Heinrich Kunnert, Eisenstadt, 12. okt. 1923. В 1920–1921 гг. Хайнал был стипендиатом недавно созданного Венгерского исторического института в Вене. Вместе с Элемером Маюсом (1898–1989) он стал одним из первых венгерских историков, находившихся в австрийской столице в таком качестве. По окончании стажировки он вернулся в Венгерский государственный архив на должность младшего архивиста. В поисках работы Хайнал вновь оказался недалеко от Вены: в 1922 г. он получил должность княжеского архивариуса в Айзенштадте. Отвечая Куннерту, молодой архивист не кривил душой: ему действительно требовалось время, чтобы основательно ознакомиться с исторической литературой по теме.

Он начал с заявления, что Бургенланд в сравнении с другими федеральными землями Австрии находится в исключительном положении: «В случае Бургенланда речь не идет об исторически сложившейся территории», в то время как административные границы других австрийских федеральных земель сформировались много веков назад⁴⁷. Поводом для оптимизма служило поступление в ответ на призывы в адрес земельных властей множества рукописей, что, по мнению Куннерта, опровергало гипотезу, что в Бургенланде нет архивных материалов. Одновременно он настаивал на открытии манориальных архивов, поскольку вопрос о закладе земельных владений⁴⁸ мог быть разрешен только на основании анализа хранившихся там источников⁴⁹. Куннер не раз писал для журнала критические обзоры и рецензии. В 1929 г. он проанализировал ряд венгерских журналов (например, *Deutsch-ungarische Heimatblätter* («Немецко-венгерские отечественные листки»)) и газетных статей, полемизируя с авторами, которые вели речь о «так называемом Бургенланде». Этот оборот как с «общенациональной», так и с «научной» точек зрения историк считал неприемлемым. Далее, он высказывал предположение, что венгерские статистические данные о национальном составе королевства конца XIX — начала XX в. следует использовать с осторожностью из-за возможных искажений⁵⁰. Куннерт писал не только об архивном деле, но и о состоянии библиотек в федеральной земле. Подготовленная в 1930 г. короткая статья интересна тем, что в ней он хвалил не фонды австрийских книжных собраний, но сотрудничество с немецкими городами — Мюнхеном, Лейпцигом, — поскольку из Германии в бургенландские библиотеки поступали специализированные журналы⁵¹.

⁴⁷ Kunnert H. Burgenländische Archivfragen // Burgenland. 1929. Bd. 2. № 4. S. 196.

⁴⁸ Согласно пользующемуся популярностью бургенландскому историческому нарративу, семь имений, заложенных Габсбургам в 1447–1647 гг. и затем в разное время вернувшихся под власть венгерской короны — Сарвкё/Хорнштайн, Бороштянкё/Бернштайн, Кишмартон, Фракно/Форхтенштайн, Каболд/Коберсдорф, Кёсег, Рохонц/Рехниц — можно считать предтечей Бургенланда на том основании, что они находились под юрисдикцией Венской казенной палаты. Венгерская историческая наука регулярно оспаривала это утверждение, поскольку заклад был частноправовым, а не публично-правовым актом. Вопрос по сей день не имеет однозначного ответа.

⁴⁹ Ibid. S. 198.

⁵⁰ Kunnert H. Neuere Arbeiten zur Landeskunde des Burgenlandes // Burgenland. 1929. Bd. 2. № 4. S. 201.

⁵¹ Kunnert H. Die Burgenländische Landesbibliothek im Jahre 1929 // Burgenland. 1930. Bd. 3. № 2. S. 53–54.

Полемика между журналами

Полемика с концепцией журнала *Mitteilungen* не заставила себя ждать: в 1930 г. Отто Аульль написал подробную работу с критикой конкурирующего журнала. По поводу статьи Э. Шварца об истории поселений он заметил, что их немецкая топонимика всегда у историка оказывается венгерского происхождения. В статье А. Моля его возмутило, что автор назвал владения, отошедшие к Австрии, «заложными именными» (то есть землей, переданной должником во владение и пользование кредитора). Аульль, напротив, утверждал, что земли, перешедшие под власть Габсбургов в XV в., за исключением Фракно и Патфалу, были невозвратными залогами, и только венгры беспрестанно говорили о «залоге», преследуя политические цели возврата владений. Статья завершалась критическим замечанием, что эта и подобные враждебные австрийцам публикации омрачают радость от выхода в свет нового журнала *Mitteilungen*⁵². Редакция опубликовала открытое письмо, чтобы защитить себя от нападок. По мнению ее членов, не следовало забывать, что *Mitteilungen*, как и журнал *Burgenland*, ставит перед собой «высокие цели» («защита немецкого отечества»), поэтому критику в их адрес следовало высказывать

⁵² Aull O. [Recenzió] *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins // Burgenland*. 1930. Bd. 3. № 2. S. 64. В 1930 г. у Аульля вышла в свет пространная статья, в которой он обратился к истории взаимоотношений Австрии и Венгрии. В ней был детально рассмотрен «вопрос о залоге». Хотя в каждой строчке сквозят пронемецкие националистические убеждения автора (например, о плебисците в Шопроне он написал как о «безумии»), историк старался комплексно подойти к вопросу о переходе западно-венгерских владений к Габсбургам: по его мнению, правовое положение владений в XV в. можно трактовать по-разному, поэтому в крайнем случае, куда относилась та или иная территория, определялось позицией приграничных землевладельцев. Кроме того, Аульль оставил лазейку для венгерской историко-национальной аргументации: он первым высказал гипотезу, что венгерский королевский титул Габсбургов мог послужить основой для более позднего аргумента венгерских сословий (выдвинутого в XVI и XVII в.), что «заложные» территории на самом деле все время находились под венгерским королевским суверенитетом (ведь Габсбурги были также венгерскими королями), а значит, никогда не переходили в «австрийское» владение. Из этого следовало, что, в зависимости от толкования, существовали и австрийские, и венгерские правовые основания на спорные владения. См.: Aull O. *Die politische Beziehungen zwischen Österreich und Ungarn, in ihrer Auswirkung auf das Burgenland (bis 1918) // Burgenland*. 1930. S. 105–106; ср.: Bariska 2007: 15–18. В этой связи интересно отметить, что в дискуссии с авторами *Mitteilungen* Аульль был гораздо менее снисходителен к расхождению в интерпретациях.

в ином тоне⁵³. Отто Аульц не стал стоять в стороне и спустя некоторое время опубликовал ответ на страницах *Burgenland*. По его утверждению, он с радостью прочел, что журнал *Mitteilungen* тоже служит «Бургенланду», но появились новые поводы для критики, потому что в некоторых статьях «тысячелетний немецкий характер Бургенланда ставится под вопрос». Объектом критики вновь оказался А. Моль, написавший в положительном ключе о Миклоше Эстерхази (1765–1833). В этой связи Аульц подчеркнул, что Эстерхази служил не интересам «бургенландского народа» или Австрии, но преследовал личные экономические интересы. Работы Чаткай, напротив, вызвали у Аульца только хвалебные характеристики, о нем он не написал ничего критического⁵⁴.

Полемика журналов *Burgenland* и *Mitteilungen* вызвала отклики и на венгерской стороне границы. Э. Шварц в 1929 г. посвятил ей обзор в журнале *Ethnographia* («Этнография»). По его мнению, Общество охраны наследия «изучало историю Бургенланда и его народа не для того, чтобы заявить права на новую территорию, но ради самой родины». О журнале Общества он написал, что «их публикации отличает объективность, и если иногда всплывает болезненный шовинизм, это чувствуется между строк». О *Burgenland* мнение Шварца было резко отрицательным: «В противовес этому журналу (*Mitteilungen*. — Л. Д. Т.) наследники чужестранных племен, которые еще до аннексии вступили в конфликт с древней родиной, основали журнал под названием *Burgenland*»⁵⁵. Патриот малой родины, судья и ботаник-любитель из Сомбатхея Дюла Гайер в столичной *Hírlap*

⁵³ In eigener Sache // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins*. 1930. Bd. 4. № 1–3. S. 29. Членами редакции *Mitteilungen* были А. Барб, Франц К. Франхи (1896–1972) и Фридрих Ломанн. Франхи — немецкий писатель, родившийся в Трансильвании, который в 1922 г. получил австрийское гражданство. До 1931 г. он преподавал в Айзенштадте, затем переехал в Вену, где зарабатывал на жизнь вольным писательским трудом. Ломанн был инженером и работал в градостроительном отделе земельной администрации. См.: Seedorf 1981: 266; Krenn 2014: 294.

⁵⁴ Aull O. [Recenzió] *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins*.

⁵⁵ Schwartz E. A Burgenland néprajzi folyóiratának iránya // *Ethnographia*. 1929. 39. évf. № 1. 180–181. old. Упоминание «приехавших с чужбины» основателей журнала говорит о том, что в числе авторов *Burgenland* изначально было много экспертов и публицистов из Вены или Граца. Еще одна публикация, в которой автор полемизировал с журналом, см.: Schwartz E. Objektív helynévkutatás // *Magyar Nyelv*. 1930. № 27. 205–206. old.

(«Газета») выступил против Отто Аулля⁵⁶. Автор коротко пересказал суть полемики *Burgenland* и *Mitteilungen*, подчеркивая, что Ауль — «мадьярофоб» и пристрастен, в то время как Барб — более объективен и его исследования более ценные. По мнению Гайера:

[Ауль] не знает о праве венгров Бургенланда использовать венгерские топонимы и строго отчитывает за это редакцию *Mitteilungen*. Он критикует Адольфа Моля, каноника из Дёра, выходца с территории современного Бургенланда⁵⁷, за то, что тот в историческом исследовании написал, будто некоторые города нынешнего Бургенланда были “заложены” иностранцам, и даже заходит так далеко, что в своей террористической критике, что бросает дёрскому канонику (!) Молю: “Только немец может так забыться”⁵⁸.

Отто Ауль ответил Гайеру на страницах газеты *Der freie Burgenländer* («Свободный бургенландец») и призвал создать независимую комиссию историков для разрешения их спора. Он отметил, что многие авторы выражают критические взгляды на пагубную для Бургенланда многовековую политику «мадьяризации», на тех же позициях стоят многочисленные сотрудники издания (например, Генрих Куннерт), поэтому несправедливо, что Гайер сосредоточился только на нем⁵⁹. Инициатива создания независимой комиссии историков заслуживает того, чтобы процитировать ее дословно:

Я бы покорно предложил, чтобы весь материал, то есть все мои исследования и записи, наконец, само это открытое письмо были переданы такому *независимому историку*, который хорошо знаком с историей Габсбургской империи и государств-наследников, мог бы *в качестве арбитра оценить* правомерность Вашей критики, когда Вы утверждаете, что я выступаю против Венгерского королевства и венгерского народа. Смею надеяться, что в интересах культурного примирения, к которому Вы призываете, и я в полной мере разделяю Ваш порыв, Вы примете мое предложение и опубликуете гарантии

⁵⁶ *Gáyer Gy. Ausztria és Burgenland. Aull Ottó hamis vádja a nyugatmagyarországi felkelők ellen // Budapesti Hírlap. 1930. 28 XII: 5.*

⁵⁷ Адольф Моль родился в 1855 г. в г. Лёвё, ныне относящемся к западному Задунавью. Неясно, ошибался Гайер или в качестве примирительного жеста отнес поселение к территории Бургенланда, подчеркивая тем самым (расширительным толкованием термина «Бургенланд») общие австрийско-венгерские корни.

⁵⁸ *Gáyer Gy. Ausztria és Burgenland. 5. old.*

⁵⁹ *Aull O. Offener Brief an Herrn Privatdozenten Dr. Julius Gayer // Der freie Burgenländer. 1931. 25 I: 3.*

на страницах *Budapesti Hírlap*. В случае согласия прошу известить меня письмом до конца месяца⁶⁰.

Гайер ответил не через *Budapesti Hírlap*, а через *Soproni Hírlap* («Шопронская газета»), перенеся спор из национального печатного органа в газету приграничной территории.

В одном из декабрьских номеров *Budapesti Hírlap* я высказался о последовательной антивенгерской позиции редактора одного журнала соседнего Бургенланда (официального рупора бургенландской культурной жизни) — Отто Аулля, учителя из Винер-Нойштадта. Он ответил мне на страницах запрещенной в Венгрии газеты *Der freie Burgenländer* и оспаривает обвинение в *“Madjarenfeindlichkeit”* (мадьярофобии. — *Д.Л.Т.*), наконец, он предложил передать вопрос на рассмотрение какого-нибудь независимого историка. <...> Сначала О. Аульль предложил обратиться в Прагу и Загреб, затем к историку любого другого нейтрального государства, за исключением Италии (Америка, Англия и т.п.). Но поскольку он придерживался позиции, что арбитр должен дать заключение *не об истинности или ложности утверждаемых им исторических фактов, а о том, был ли тон, в котором он писал, уместен или нет*, моя позиция была такова, что нет необходимости консультироваться с людьми из далеких краев, знающих о здешних реалиях из односторонних источников, поскольку ученых мужей, способных высказать взвешенное суждение о тоне Отто Аулля, гораздо проще найти в радиусе Шопрон — Кишмартон. Пусть он со своей стороны назначит кого-то, и я тоже назначу, а эти два господина пусть выберут третьего. Эта комиссия и рассмотрит дело. Я уже указывал на то, что такого понятия, как “Бургенланд”, до недавнего времени не существовало, “Западной Венгрии” как понятия тоже не было, и поэтому даже среди австрийских и венгерских историков нелегко найти человека с независимым мнением о прошлом именно этой области. Что касается историков из других государств, это просто невозможно. Отто Аульль, который в газете *Freie Burgenländer* уже совершенно произвольно сопоставлял мои критические замечания с цитатами из своих статей, теперь публикует в бургенландской прессе заявление о том, что я отказался от арбитражного разбирательства по этому делу. *Он ни словом не упоминает, что я ответил на его предложение аргументированным контрпредложением и что он отклонил его без объяснения причин*⁶¹.

⁶⁰ Aull O. Offener Brief an Herrn Privatdozenten Dr. Julius Gayer. S. 4. Курсив О. Аулля.

⁶¹ *Gáyer Gy. Végső szó egy burgenlandi szerkesztőhöz // Soproni Hírlap. 1931. 29 III.* 2. Курсив О. Гайера.

Полемика Гайера и Ауля в высшей степени показательна: из нее становится ясно, какие исторические концепции распространялись или должны были распространяться в широких кругах любителей истории. Интересно, что Гайер, имевший опыт работы в судопроизводстве, был не первым, кто сочетал аргументацию историка и судьи, хотя он не исключил идею создания независимого жюри. Я процитировал пространный ответ Гайера потому, что он демонстрирует запрос на компетентность: кто в австрийско-венгерской исторической полемике мог законно выражать свое мнение по спорным историческим вопросам? Достоинно внимания рассуждение Гайера, что «нейтральность» или географическая удаленность не всегда означают объективность, ведь историк из третьей страны, при всей его нейтральности, может элементарно не знать историю обсуждаемого приграничья. Те же, кого история края касается непосредственно, в силу вовлеченности в данный круг проблем не могут быть в полной мере беспристрастны или нейтральны: выходило, что роль судьи могла взять на себя только группа историков⁶².

***Burgenländische Heimatblätter* — новый влиятельный форум историков**

Спор, разгоревшийся между двумя бургенландскими журналами, стал заключительным аккордом в и без того полной трудностей истории журнала *Mitteilungen*: в 1927–1931 гг. в свет вышло пять номеров, в 1932 г. по политическим и финансовым причинам он прекратил существование, поглощенный журналом *Burgenland*. Так появилось новое издание *Burgenländische Heimatblätter* с новым составом редакции. Были созданы две редакционные коллегии: узкая и расширенная. Вторая состояла из восьми человек, включая представителей руководства федеральной земли, в их числе Пауль Айтлер⁶³ и отвечавший

⁶² Здесь уместно провести параллель с дискуссией дебреценского историка Иштвана Ругонфалви-Киша (1881–1957) и Дюлы Секфю (1883–1955) об оценке трансильванского князя Габора Бетлена (1580–1629), разворачивавшейся примерно в то же время, что и полемика Ауля с Гайером. Ругонфалви инициировал созыв независимой исторической комиссии, чтобы та решила, кто из них лучший историк, он или Секфю. Профессиональное сообщество, мягко говоря, проигнорировало призыв Ругонфалви, на этом все закончилось, см.: Erős 2016.

⁶³ См.: Eitler P. Die Entdeckung des Burgenlandes // Österreichische Monatshefte. 1927. Bd. 4. Sonderheft Burgenland. S. 295–296.

за народное просвещение Рудольф Дешант (1892–1974), в первую вошли собственно члены редакции: Г. Куннерт, А. Барб и К. Крич⁶⁴. О. Ауль покинул редакцию, поскольку не мог в полной мере участвовать в ее работе, продолжая учительствовать в Винер-Нойштадте⁶⁵. В новом составе редакции связь журнала с руководством федеральной земли стала прочнее, выход Г. Куннерта на ведущие позиции означал укрепление немецкой националистической ориентации. Впрочем, эта линия не стала ни единственной, ни доминирующей. Примечательно, что, несмотря на редакционно-кадровые изменения, в числе авторов *Burgenländische Heimatblätter* встречались авторы, занимавшие венгерскую национальную или нейтральную позицию. Поразительно, что после горячих споров А. Моль опубликовал на страницах журнала статью о бургенландских хорватах. Правда, она была сдержанной по тону и не содержала открытых историко-политических заявлений⁶⁶. В. Йованович написал статью о торжественном вступлении князя Пала Антала Эстерхази (1786–1866) в 1834 г. в должность фёйшпана (главы) комитата Шопрон, в которой исключительно высоко оценил роль княжеского рода в истории Айзенштадта⁶⁷. Журнал по-прежнему проявлял интерес к исследованиям по еврейской теме⁶⁸, на его страницах увидело свет исследование Леопольда Мозеса, историка и архивиста из Вены, об опубликованных источниках по истории еврейской общины Айзенштадта в XVI в.⁶⁹ В числе

⁶⁴ Уроженец Кишмартона/Айзенштадта, Карл Крич был ремесленником в Вене, затем стал видным деятелем в сфере охраны памятников в Бургенланде, по его инициативе в 1935 г. в Айзенштадте был создан Музей Гайдна.

⁶⁵ Seedoch 1981: 275.

⁶⁶ Mohl A. Die burgenländischen Kroaten 1533–1933 // *Burgenländische Heimatblätter*. 1933. Bd. 2. № 3–4. S. 189–191.

⁶⁷ Jovanovich V. Die feierliche Installation des Fürsten Paul Esterházy in Eisenstadt (1834) // *Burgenländische Heimatblätter*. 1934. Bd. 3. № 1. S. 10–12.

⁶⁸ Интересен факт, что в 1931 г. редакция журнала, тогда еще издававшегося как *Burgenland*, отклонила статью, написанную Альфредом Фюрстом, членом еврейской общины Айзенштадта. О. Ауль в письме Г. Куннерту пояснил, что причиной отказа стала вовсе не локальная история евреев, рассматриваемая Фюрстом (хотя показательно, что этот вопрос был поднят), а то, что автор писал об известных вещах, и таким статьям место в «ежедневной газете», а не в его (Ауля) журнале. См.: *Burgenländisches Landesarchiv, Eisenstadt. A-XXVIII-29 Nachlass Heinrich Kunnert. Otto Aull an Heinrich Kunnert*, 19. Sept. 1931. Письмо также свидетельствует о растущем профессиональном уровне журнала, о том, что редакция отделяла *Burgenland* от чистой публицистики.

⁶⁹ Moses L. Eisenstädter Juden im 16. Jahrhundert // *Burgenländische Heimatblätter*. 1938. Bd. 3. № 3–4. S. 67–71.

авторов как *Burgenland*, так и *Burgenländische Heimatblätter* регулярно встречался стремившийся к объективности Э. Чаткаи. Он работал по обе стороны границы, то в Айзенштадте, то в Шопроне, и, конечно, знал о противостоянии изданий *Mitteilungen* и *Burgenland*, и продолжал посылать статьи в оба журнала потому, что, как он позже написал в мемуарах, «как иностранному гражданину», ему приходилось быть в Австрии особенно осторожным, иными словами, он не хотел навлечь на себя гнев националистических кругов Бургенланда⁷⁰.

В то же время действительно значимые теоретические и историко-политические манифесты для журнала писали ученые, выступавшие против венгерских национальных исторических нарративов. Постоянно оппонировал венгерским авторам историк-краевед Ханс Карнер, занимавшийся историей поселений. В 1934 г. он опубликовал исследование о демографическом развитии трех западновенгерских комитатов (Шопрон, Мошон, Ваш), используя труды венгерских историков по теме. Карнер установил, что в 1843–1910 гг. немецкое население этих комитатов постепенно убывало, но происходило это преимущественно в городах. Именно поэтому, пришел к выводу историк, необходимо анализировать не только статистические данные, но и географические условия и данные ономастики (фамилии). При переписи населения⁷¹ респонденты отвечали не на вопрос о национальной принадлежности, но о языке, на котором они говорили лучше всего⁷². История бургенландского крестьянства занимала в тематике журнала почетное место. В 1935 г. Бернхард Ханс Циммерман (1904–1993) опубликовал в *Heimatblätter* критическую рецензию на книгу под редакцией Дежё Сабо (1882–1966) «История регулирования крестьянских повинностей при Марии Терезии»⁷³. Он отметил, что в Венгрии столь фундаментальные исследования «встречаются не часто», поэтому выход в свет книги Сабо — явление отрадное. Циммермана особо интересовали крестьянские восстания

⁷⁰ *Csatkai E.* Irodalmi tevékenységem története (1956) // Soproni Szemle. 2014. 68. évf. № 2. 200. old.

⁷¹ Подробнее о методиках переписи населения в Венгрии на русском языке см.: Папп 2016 (прим. перев.).

⁷² *Karner H.* Materialien zu einer Geschichte der Bevölkerungsentwicklung in den drei Westkomitaten Altungarns // *Burgenländische Heimatblätter*. 1934. Bd. 3. № 1. S. 18.

⁷³ См.: *A magyarországi úrbérrendezés története Mária Terézia korában / kiadta és a bevezető tanulmányt írta D. Szabó.* Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1933. 1. köt. 813. old.

XVIII в., среди них он отметил бунт под предводительством Иоганна Крамера (1712–1765) в 1765 г. и выразил надежду, что в будущем появится «молодой бургенландец», который возьмется за изучение биографии «этого выдающегося крестьянина», и наука перед ним «не останется в долгу»⁷⁴.

Пrestиж *Heimatblätter* повышалось то, что располагавшие институциональными связями известные венские историки писали для него статьи. Столичный историк и архивист Лотар Гросс в 1932 г. написал два детальных исследования по истории австрийско-венгерских пограничных отношений в XIV в. Среди широких обобщений Гросса имеет смысл остановиться на двух: с одной стороны, изучение этой исторической темы помогло понять современное положение Бургенланда, с другой — формирование границ между дворянскими владениями порой играло более важную роль, чем межгосударственные политические договоры и войны⁷⁵. Землевладельцы пограничья могли устанавливать контакты с разными государствами, их лояльность была множественной. Гросс проанализировал отношения землевладельцев пограничья с разными правителями, используя несколько венгерских коллекций источников (например, библиотеку Енё Хази, отдельные тома которой владелец ранее отправил венским архивистам), поэтому его анализ основывался на первоисточниках. Для историка было принципиально важно, немецкого или венгерского происхождения был тот или иной землевладелец. Исторический анализ позволил установить, что мирные договоры между королями не гарантировали замирения землевладельцев, поэтому нельзя ограничиваться изучением исключительно межгосударственной политики⁷⁶. В процессе изучения дипломов XIV в. у Гросса создалось «впечатление», что «в первые десятилетия XIV в. австрийское влияние на западную Венгрию преваляло»⁷⁷. На западновенгерских территориях власть венгерских королей была слаба, поэтому венгерские

⁷⁴ *Zimmermann B.* [Recenzió] Szabó Dezső: A magyarországi úrbérrendezés története, 1933 // *Burgenländische Heimatblätter*. 1935. Bd. 4. № 3. S. 162.

⁷⁵ «Более того, роль земельных владений до сих пор не оценена по достоинству, хотя здесь и в других пограничных регионах старой Германской империи они часто оказывали большее влияние на границы и судьбу жителей, чем войны и союзы государств». См.: *Gross L.* Zur Geschichte der österreich-ungarischen Grenzverhältnisse im 14. Jahrhundert // *Burgenländische Heimatblätter*. 1932. Bd. 1. № 2. S. 37.

⁷⁶ *Ibid.* S. 42–43.

⁷⁷ *Ibid.* S. 68. Курсив Л. Гросса.

и австрийские дворяне проводили там относительно независимую политику, иногда восставая против своих государей. Подводя итоги в конце исследования, Гросс уже вел речь не об «австрийском влиянии», а о «немецком». Прочитав здесь основной вывод, потому что он содержит более осторожные и менее воинственные формулировки профессионального историка:

Если вновь проанализировать наблюдения, которые, подчеркнем еще раз, не претендовали на исчерпывающую полноту, представляется возможным выделить определенные линии развития в рассматриваемый нами период австрийско-венгерского пограничья, хотя я оставляю за собой право вносить коррективы на основе тщательного изучения источников. *Конец XIII — начало XIV в. стали временем распространения немецкого влияния из Австрии, чему благоприятствовала внутривосточная ситуация в Венгрии, пресечение династии Арпадов и ослабление королевской власти при последних королях*⁷⁸.

Не только Лотар Гросс, но и местные историки старались создать обобщающие исторические труды. В этом ряду особняком стоит работа Г. Куннерта о турецком походе 1683 г. Он и раньше занимался историей турецких войн, когда писал статью о походе 1532 г. и осаде Кёсега⁷⁹. В публикации 1933 г. он осудил как разрушения, произведенные турецкими захватчиками, так и коллаборационизм их венгерских союзников⁸⁰. Куннерт отметил, что выставленные венгерскими магнатами «милицисты» часто бежали с поля боя или переходили на сторону противника, поэтому при защите «Бургенланда» надежды на них было мало⁸¹. Куннерт, опираясь на городские письменные источники XVII в., подробно описал страдания и потери немецкого населения, уничтожение «немецкого» культурного наследия. Описывая венгерские, монгольские и турецкие войска, историк

⁷⁸ Ibid. S. 76. Курсив Л. Гросса.

⁷⁹ *Kunnert H. Die Türkenabwehr 1532 // Bergland. 1932. S. 12.* В этой статье автор воздал хвалу сопротивлению г. Кёсег и его защитнику Миклошу Юришичу (1490–1545), потому что они сдержали наступление Востока и защитили Запад и цивилизацию. Яноша Запольяи историк осудил за то, что «привел турок» в Венгрию, потому что оборона Кёсега была одновременно борьбой с венгерскими и турецкими «восточными» захватчиками.

⁸⁰ *Kunnert H. Das Burgenland im Türkenkrieg 1683 // Burgenländische Heimatblätter. 1933. Bd. 2. № 2. S. 157–167.*

⁸¹ Ibid. S. 160.

неоднократно использовал выражение «дикие орды»⁸². Важнейшим событием 1683 г. он считал «спасение Вены, бастиона немецкой культуры и всего христианства от Востока»⁸³.

Приход к власти австрофашистов в 1934 г. не привел к радикальным переменам в развитии журнала. В целом в Бургенланде институции в сфере науки и памяти беспроблемно пережили изменение политического климата, как на персональном, так и на организационном уровне⁸⁴. Но все кардинально изменилось после аншлюса, когда Бургенланд потерял статус самостоятельной федеральной земли: журнал *Heimatblätter* прекратил существование. В мае 1938 г. вышел последний выпуск журнала, с приветствием Гитлеру и аплодисментами аншлюсу⁸⁵.

Заключение

В статье на примере краеведческих журналов Бургенланда я показал связь национальной и региональной идентичности с историей, роль Айзенштадта/Кишмартона в формировании идентичности и историографии. С одной стороны, город был научно-организационным центром федеральной земли: здесь выходили в свет наиболее значительные историко-краеведческие журналы и здесь же, не без трудностей, развивались обязательные для профессионального изучения истории институции (архив, музей, библиотека). С другой стороны, город был излюбленной темой многих исследований, и изучение истории Айзенштадта способствовало формированию региональной идентичности. Это апеллирующее к истории сознание с самого начала было спорным и противоречивым, поскольку акцент на немецком характере города вел к уничтожению культурного разнообразия и плюралистичного исторического наследия. Однако гомогенизация истории протекала не линейно: заметно, что в 1920-е годы научная жизнь культурно-просветительских учреждений Бургенланда была разнообразной, среди авторов *Mitteilungen* встречались те, кто защищал венгерскую точку зрения. За разнообразием всегда стояла материальная база. Важную роль играли меценаты,

⁸² *Kunnert H.* Das Burgenland im Türkenkrieg 1683. S. 165.

⁸³ *Ibid.* S. 167.

⁸⁴ Krenn 2014: 303.

⁸⁵ См. статью Д. В. Родина в этом выпуске.

подобные коммерсанту Ш. Вольфу, которые в сравнении с руководством федеральной земли, настроенным пронемецки и националистически, исповедовали гораздо более толерантные взгляды и даже защищали точку зрения профессионалов, что шло вразрез с мнением начальства: потребовалось вмешательство Вольфа, чтобы во главе музея в Айзенштадте встал не О. Ауль, а антиковед А. Барб. Локальные инициативы Ш. Вольфа и других причастных к дискуссии не выдерживали конкуренции с венскими группами историков, которых поддерживали в Германии (см. пример Л. Гросса) и их журналом *Burgenland*. В нем в долгосрочной перспективе реализовывалась концепция тесно связанного с Веной Куннерта, затем сторонника воинственной националистической историографии Ауля: со связями в Вене и Германии они легко стали ведущими фигурами, создававшими историческое знание.

Полемика ярко показала, что тематические рамки и публицистические форумы в значительной мере определяли содержание того, что хотел и мог сказать тот или иной историк. Например, О. Ауль основательно подходил к анализу проблемы «заложённых имений» и считал, что однозначного ответа об истории их возникновения и государственно-правовом характере нет, но когда ему пришлось спорить с конкурирующим журналом *Mitteilungen*, он отказался от множественных объяснений и выступил в пользу однозначного толкования понятия «заклад». Замечу также, что характерным в исторических нарративах было не только отношение к Другому («венгру») как к врагу, но и многозначительные умолчания. Так, тема цыган почти полностью отсутствует в региональных историях, что отражает особое (преимущественно негативное) отношение к этой этнической группе.

Исследования по истории науки и историографии демонстрируют, что история той или иной дисциплины включала в себя несколько традиций, и некоторые из них в силу соотношения политических сил выходили на передний план (например, в случае исторических исследований в журнале *Burgenland* речь идет о «народническом» (*völkis*) нарративе), другие (выражавшаяся редакцией журнала *Mitteilungen* более умеренная позиция) — отступали в тень или пропадали из поля зрения. Однако, оставаясь на принципах историзма, мы сможем проникнуть в суть этих констант и внести вклад в более демократичное понимание науки: историография дает немало

примеров тому, как в ту или иную эпоху сосуществуют и конкурируют разные традиции истолкования истории, и рассматривать их нужно в изменении и развитии.

Перевод с венгерского О. В. Хавановой

Список исторических географических названий

Айзенштадт (нем.) — Кишмартон (венг.), ныне в Австрии
 Бернштайн (нем.) — Бороштянкё (венг.), ныне в Австрии
 Гюнс (нем.) — Кёсег (венг.), ныне в Венгрии
 Гюссинг (нем.) — Неметуйвар (венг.), ныне в Австрии
 Подерсдорф-ам-Зее (нем.) — Патфалу (венг.), ныне в Австрии
 Почендорф (нем.) — Почфалу (венг.), ныне Розендорф в Австрии
 Рехниц (нем.) — Рохонц (венг.), ныне в Австрии
 Форхтенштайн (нем.) — Фракно (венг.), ныне в Австрии
 Хорнштайн (нем.) — Сарвкё (венг.), ныне в Австрии
 Эденбург (нем.) — Шопрон (венг.), ныне в Венгрии

Литература

- Аблонци 2020 — *Аблонци Б.* Трианонский мирный договор 1920 года: Факты, легенды, домыслы / пер. с венг. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. 168 с.
- Папп 2016 — *Панн А. З.* Этнодемографическая картина в Карпатском бассейне на рубеже XIX–XX вв. // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы 1517–1918 / отв. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 259–275.
- Bariska 2007 — *Bariska I.* A Szent Koronáért elzálogosított Nyugat–Magyarország 1444–1647. Szombathely: Vas Megyei Levéltár, 2007. 204. old. (Archívum Comitatus Castriferrei, 2).
- Dominkovits 1996 — *Dominkovits P.* Egy vidéki tudós kapcsolatrendszerének dokumentumaiból. Válogatás Házi Jenő Sopron város főlevéltárosa levelezéséből, 1914–1944 // Levéltári Közlemények. 1996. 67. évf. 97–99. old.
- Erős 2016 — *Erős V.* A második “Száműzött Rákóczi” vita. Szekfü Gyula “Bethlen Gábor” című művének korabeli fogadtatása // Századok. 2016. 150. évf. № 1. 3–46. old.
- Jankó 2021 — *Jankó F.* Burgenland földrajzi felfedezése. Tudomány, geopolitika és identitás a két világháború között. Budapest: HUN-REN Bölcsészettud. Kutatóközp., 2021. 365 old.
- Krenn 2014 — *Krenn M.* “...in weite, bisher davon unberührte Kreise”. Studien zur burgenländischen Kulturpolitik I. 1921–1938. Eisenstadt: Amt der

- Burgenländischen Landesregierung, 2014. 372 S. (Burgenländische Forschungen, 106).
- Krenn 2016 – *Krenn M.* „...nicht Nachhut, sondern Vorhut des Reiches im Südosten”. Studien zur burgenländischen Kulturpolitik II. Die Zeit bis 1945. Eisenstadt: Amt der Burgenländischen Landesregierung, 2016. 332 S. (Burgenländische Forschungen, 109).
- Kunt 2019 – *Kunt G.* „A magyar culturának megmenteni”. Az Esterházy herceg felelősségvállalásának formái Burgenland elcsatolása idején, // A magyar arisztokrácia társadalmi-közéleti kapcsolatai és szerepvállalása / szerk. K. Papp, L. Püski, Á. Novák, Debrecen: Debreceni Egyetem Történelmi Intézete, 2019. 347–357. old.
- Palkó 2009 – *Palkó K.* Mesterségesen létrehozott területi egység – Regionális identitás(?). Burgenland Példája // Tér és Társadalom. 2009. 23. évf. №4. 207–224. old.
- Probst 1969 – *Probst F.* Das Lebensbild Heinrich Kunnerts // Burgenländische Forschungen. Sonderheft 11. Festschrift für Heinrich Kunnert. Eisenstadt: Burgenländische Landesarchiv, 1969. S. 5–14.
- Ress 2004 – *Ress I.* Hajnal István, a kismartoni hercegi levéltáros // Korall. 2004. №15–16. 284–315. old.
- Seedoch 1981 – *Seedoch J.* 50 Jahre Burgenländische Heimatblätter // Burgenländische Forschungen. Eisenstadt: Burgenländisches Landesarchiv, 1981. Sonderheft VI. S. 266–297.
- Sperl 2011 – *Sperl K.* Landeskundliche Forschung im Filialarchiv Eisenstadt // In: In(s)ich(t) & Ansich(t). Das Burgenland von 1921 bis 2011 / hrsg. von J.M. Perschy, K. Sperl. Eisenstadt: Burgenländisches Landesarchiv, 2011. S. 189–196.
- Viskolcz 2019 – *Viskolcz N.* A herceg történése. Hajnal István az Esterházyak szolgálatában 1922–1930. Budapest: Kossuth Kiadó; Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, 2019. 231. old.

References

- Ablontsi [Ablonczy], B., 2020. *Trianonskii mirnyi dogovor 1920 goda: Fakty, legendy, domysly* [The Trianon peace treaty of 1920: legends, myths, speculations]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; St. Petersburg: Nestor-Historia, 168 p. (in Rus.)
- Bariska, I., 2007. *A Szent Koronáért elzalogosított Nyugat–Magyarország 1444–1647*. Szombathely: Vas Megyei Levéltár, 204 p. (Archívum Comitatus Castriferrei, 2).
- Dominkovits, P., 1996. Egy vidéki tudós kapcsolatrendszerének dokumentumai. Válogatás Házi Jenő Sopron város főlevéltárosa levelezéséből, 1914–1944. *Levéltári Közlemények*, 67, pp. 97–99.

- Erős, V., 2016. A második "Száműzött Rákóczi" vita. Szekfü Gyula "Bethlen Gábor" című művének korabeli fogadtatása. *Századok*, 150, 1, pp. 3–46.
- Jankó, F., 2021. *Burgenland földrajzi felfedezése. Tudomány, geopolitika és identitás a két világháború között*. Budapest: HUN-REN Bölcsészettud. Kutatóközp., 365 p.
- Krenn, M., 2014. "...in weite, bisher davon unberührte Kreise". *Studien zur burgenländischen Kulturpolitik I. 1921–1938*. Eisenstadt: Amt der Burgenländischen Landesregierung, 372 p. (Burgenländische Forschungen, 106).
- Krenn, M., 2016. "...nicht Nachhut, sondern Vorhut des Reiches im Südosten". *Studien zur burgenländischen Kulturpolitik II. Die Zeit bis 1945*. Eisenstadt: Amt der Burgenländischen Landesregierung, 332 p. (Burgenländische Forschungen, 109).
- Kunt, G., 2019. "A magyar culturának megmenteni". Az Esterházy herceg felelősségvállalásának formái Burgenland elcsatolása idején. In: Papp, K., Püski, L., Novák, Á., eds. *A magyar arisztokrácia társadalmi-közéleti kapcsolatai és szerepvállalása*. Debrecen: Debreceni Egyetem Történelmi Intézete, pp. 347–357.
- Palkó, K., 2009. Mesterségesen létrehozott területi egység – Regionális identitás(?). *Burgenland Példája. Tér és Társadalom*, 23, 4, pp. 207–224.
- Papp, A. Z., 2016. Etnodemograficheskaia kartina v Karpatskom basseine na rubezhe 19–20 vv. [Ethno-demographic picture in the Carpathian Basin at the turn of the nineteenth and twentieth centuries]. In: Khavanova, O. V., ed. *Vzaimodeistviia i konflikty na konfessional'no i étnicheski smeshannykh territoriakh Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy 1517–1918* [Interactions and conflicts in confessionally and ethnically mixed territories of Central and Eastern Europe 1517–1918]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; St. Petersburg: Nestor-Historia, pp. 259–275. (in Rus.)
- Probst, F., 1969. Das Lebensbild Heinrich Kunnerts. *Burgenländische Forschungen*, Sonderheft 11, Festschrift für Heinrich Kunnert. Eisenstadt: Burgenländische Landesarchiv, pp. 5–14.
- Ress, I., 2004. Hajnal István, a kismartoni hercegi levéltáros. *Korall*, 15–16, pp. 284–315.
- Seedoch, J., 1981. 50 Jahre Burgenländische Heimatblätter. *Burgenländische Forschungen*. Sonderheft 6. Eisenstadt: Burgenländisches Landesarchiv, pp. 266–297.
- Sperl, K., 2011. Landeskundliche Forschung im Filialarchiv Eisenstadt. In: Persch, J. M., Sperl, K., eds. *Insich(t) & Ansich(t). Das Burgenland von 1921 bis 2011*. Eisenstadt: Burgenländisches Landesarchiv, pp. 189–196.
- Viskolcz, N., 2019. *A herceg történése. Hajnal István az Esterházyak szolgálatában 1922–1930*. Budapest: Kossuth Kiadó; Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, 231 p.

László Dávid Törő

PhD, Research Fellow, Institute of History, University of Debrecen,
Debrecen, Hungary. 4032 Egyetem tér 1. E-mail: t.laszlo.d@gmail.com

Historical Narratives in Burgenland Local History Journals Between the Two World Wars

Border regions of nation states have always played an important role in the process of national identity construction. The region of Burgenland was transferred to Austria in 1921. After the First World War, the country was compensated with a territory that had previously been a part of Hungary. Since the “birth” of the region, it has been heavily contested, mostly by Hungarian historians. Of course, the Austrian historical writing was eager to integrate Burgenland into its national histories. The aim of my study is to show how local history journals participated in creating a new regional identity in Burgenland. Three journals will be at the centre of my attention: Burgenland, *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins*, and the fusion of these two: the *Burgenländische Heimatblätter*. I demonstrate the differences and debates between these journals, as they often polemicalised against each other to determine who should dominate the discourse about the history of Burgenland. The journal Burgenland had close ties to the regional government and was oriented towards German nationalism. In contrast to the Burgenland, the *Mitteilungen* was published by the *Burgenländisches Heimatschutzverein*, an organisation of civil society. In the volumes of *Mitteilungen* nationalism was less present, rather, we can observe criticism against industrialism and a strong romanticisation of nature. Burgenland was financed by the regional authorities, whereas *Mitteilungen* relied mainly on donations and membership fees. I also introduce debates between Hungarian and Austrian authors (Otto Aull and Gyula Gáyer) about this region to present a nuanced and balanced picture about the Burgenland-debate in the interwar period. The article shows that the historical narratives of these journals were shaped by encounters with rival interpretations of the past, and as a result, the dominant *völkisch* interpretation emerged, and *Mitteilungen*, as a journal with a more conservative agenda, was defeated.

Keywords: historiography, nationalism, borders, spatial turn, border studies, Austria-Hungary, Austria, Hungary, history of ideas, discourse analysis

Financing: This study was supported by the János Bolyai Research Scholarship 2023–2026, BO/00246/23/2.

Received: 10 March 2024

Accepted: 19 May 2024

How to cite: Törő, L.D., 2024. Istoricheskie narrativy v kraevedcheskikh zhurnalakh Burgenlanda v period mezhdru dvumia mirovymi voynami. *Central-European Studies*, 7, pp. 267–295. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.8>.